

МИКРОИСТОРИЯ РЕИСЛАМИЗАЦИИ В БЫВШЕМ КОЛХОЗЕ*

БОБРОВНИКОВ

Владимир Олегович,

канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,

Институт востоковедения

Российской академии наук

(107031, Россия, г. Москва,

ул. Рождественка, д. 12).

E-mail: vladimir_bobrovn@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает возвращение ислама в публичную сферу на микроуровне отдельной мусульманской общины бывшего колхоза в Северном Дагестане. Наиболее серьезным последствием распада советско-колхозной системы стало деление прежде единой общины на два обособленных джама'ата: в горах и на плоскости. Выход ислама в сферу общественной жизни в 1990-е гг. вызвал поляризацию дагестанского общества, расколовшегося на несколько противоборствующих фракций традиционалистов и салафитов. При этом большая часть джама'ата ситуативно меняет религиозную ориентацию, примыкая то к одной, то к другой фракции.

Ключевые слова: реисламизация, микроистория, колхоз, джама'ат, Дагестан.

УДК 930.85

DOI 10.22311/2074-1529-2017-13-3-139-158

Завершая свою работу «Колхоз как основа исламского подъема», в настоящей статье я хотел бы рассказать, что случилось с исламом и мусульманами постсоветского Дагестана на микроуровне отдельной мусульманской общины (джама'ат) бывшего горного колхоза в Северном Дагестане¹. Объект исследования — та же колхозная деревня, что и в первой статье. Это высокогорное селение Хуштада в Цумадинском районе Дагестана и отпочковавшееся от нее селение Новая Хуштада, возникшее на равнине на северо-востоке от городов Хасавюрт и Кизилюрт во второй половине XX в. и административно относящееся сразу к двум районам — Хасавюртовскому и Кизилюртовскому. При советской власти они входили в один колхоз с центром в Цумадинском районе. Как

* См.: Бобровников В. О. Колхоз как основа исламского подъема. ИСМ № 2. С. 102–124.

¹ Работа основана на материалах, собранных в ходе профинансированного в 2009–2011 гг. Фондом Фольксвагена проекта From Kolkhoz to Jamaat. The Politicisation of Islam in the Rural Communities of the Former USSR: An Interregional Comparative Study, 1950s–2000s. Кроме того, в статье использованы источники, обнаруженные мной ранее при финансовой поддержке фондов Wenner-Gren, Ford, Opens Society Institute, еще не вводившиеся прежде в научный оборот. Я выражаю благодарность Фонду Фольксвагена и другим организациям, поддержавшим мою работу, даже если последние не согласятся с ее выводами.

и другие коллективные хозяйства постсоветской России, хуштадинский колхоз более не существует. Еще в 2002 г. он был преобразован в сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК) «Хуштада». В январе 2005 г. бывший сельсовет стал муниципальным унитарным предприятием (МУП) Хуштадинский¹. СПК унаследовал зимние пастбища колхоза в Хасавюртовском (1384 га), Бабаюртовском (553 га) и Тарумовском районах (1000 га)². В 2008–2010 гг. эти участки были переданы ему на 49 лет в аренду с условием целевого использования угодий³.

Что случилось с поздним советским мусульманским сообществом с 1990-х по 2010-е гг.? Насколько исламские сети воспроизводства знания и власти фрагментировались вследствие советских антирелигиозных репрессий? Создаются ли в изучаемое время новые связи в мусульманской деревне на внутри- и межрегиональном уровнях и что случилось с ними после распада Советского Союза? Как следует понимать «политизацию» ислама? Какие основные этапы можно выделить в ней? Что можно сказать об общем значении и специфике дагестанских моделей реисламизации и политизации ислама в 1950–2010-е гг., в частности о разобранном мной случае переселенческого горного колхоза в Северном Дагестане? Все эти вопросы я поставил перед собой, обрабатывая собранные первоисточники перед написанием статьи; они и определили ее содержание.

Исламский подъем в цифрах

Еще в последние годы существования СССР показателем исламского подъема в регионе стал беспрецедентный рост религиозных исламских институтов. Численность джама'атов и мечетей при них выросла за минувшую четверть века в сотни раз. Если в 1985 г. Совет по делам религий отметил на Северном Кавказе 47 зарегистрированных пятничных мечетей (*джума*), из них 27 — в Дагестане, то уже в 1990 г. их

¹ «О статусе и границах муниципальных образований Республики Дагестан». Закон РД 13.01.2005. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/802037479>. Ст. 38, § 20 (дата обращения 25.06.1917).

² С 1944 г. колхоз также владел кутаном Байбус в Бабаюртовском районе, весной 1956 г. переданным соседнему горному колхозу Тлондода («О распределении и закреплении за колхозами зимних пастбищ в пределах Дагестанской АССР». Постановление Совета министров и Бюро Обкома КПСС ДАССР № 17. 29.04.1956 // Текущий архив СПК «Хуштада». Новая Хуштада). После депортации чеченцев в 1944 г. и до их возвращения на Кавказ в 1957 г. хуштадинцы пользовались угодьями с. Хварши, переселенного в Чечно-Ингушетию (ПИМА. Интервью со стариками колхоза им. Чапаева 13.11.1995).

³ Справка № 13-эк. Дана администрацией муниципального образования «Цумадинский район» в том, что колхоз им. Чапаева является правопреемником колхоза им. Молотова, а СПК «Хуштада» правопреемником колхоза им. Чапаева 27.12.2005; Экспликация земель хозяйств Цумадинского района на территории Бабаюртовского района РД 1.01.2009; Экспликация земель хозяйств Цумадинского района на территории Тарумовского района РД 1.01.2009; Экспликация земель хозяйств Цумадинского района на территории Хасавюртовского района РД 1.01.2009 // ТАХ.

общее число подскочило до 431¹. На 25 ноября 2003 г. количество мечетей в Дагестане достигло 1679, включая 1091 джума. В других республиках и областях региона цифры роста оставались на порядок ниже. В 1997 г. в Карачаево-Черкесии действовала 91 мечеть, в 2002 г. в Кабардино-Балкарии — 132, в 2003 г. в Адыгее и Краснодаре — всего 26². В 1997 г. открылась крупнейшая тогда на Северном Кавказе мечеть на 7,5 тыс. чел., построенная в Махачкале турками. После реконструкции 2005–2007 гг. она стала вмещать 15 тыс. чел³. В селениях Дагестана открылись тысячи частных молельных домов (*курма*)⁴.

Количественный рост исламских институтов очень заметен и на микроуровне, на примере Хуштады в Цумадинском районе. В конце 1980-х гг. на территории селения действовало 9 зийаратов⁵. С окончанием гонений на религию в 90-е годы на землях его колхоза были построены десятки молельных домов (*курма*), типичных для Северного и Центрального Дагестана. В 1992 г. была открыта вторая квартальная мечеть, в 1993 г. построена джума-мечеть в Новой Хуштаде, при ней вскоре начала работать начальная кораническая школа⁶. В августе 2006 г. рядом с зийаратом трех шейхов была построена крупнейшая на тот момент в Северном Дагестане трехэтажная джума-мечеть с медресе. В 1990-е годы выходцы из Хуштады работали имамами 7 селений и городов на севере республики, в том числе Хасавюрта и Кизляра⁷. В 2000-е годы активность мусульманской духовной элиты селения пошла на спад. Джама'атом Хуштады около 10 лет руководил молодой имам из соседнего селения Хварши по имени Макка-Шарип⁸.

На первый взгляд может показаться, что исламское строительство идет намного эффективнее культурной революции раннего советского времени. Вернувшийся на круги своя ислам начисто смел все, построенное за 70 лет. Цифры более чем красноречивы. Советская власть 20–30 лет билась, заменяя коранические классы (араб. *мактаб*) при мечетях и высшие школы (араб. *мадраса*) светской общеобразовательной школой на русском и национальных языках. Первые плоды культурная революция дала только к 60-м годам. Но и в 1959–1960 гг. в республике

¹ Емельянова Н. М. Мусульмане Кабарды. М., 1999. С. 101.

² Ханбабаев К. М. «Шариатизация» постсоветского Дагестана: мифы и реальность // Ислам и право в России. Вып. 1. М., 2004. С. 158; Бабич И. Л. Республика Адыгея и Краснодарский край: мечети и исламские общины // Ислам и право в России. М., 2004. Вып. 3. С. 37; Бабич И. Л. Республика Кабардино-Балкария: мечети и исламские общины // Ислам и право в России. М., 2004. Вып. 3. С. 84.

³ Официальный сайт Джума-мечети г. Махачкалы. [Электронный ресурс] // URL: <http://masdjid.ru/index.php/2016-03-31-23-26-12> (дата обращения 18.03.2017).

⁴ Их число не поддается точному подсчету.

⁵ Гаджиев Г. А. Полевые дневники по плановой теме багулалы // Ф. 5. Этнография Дагестана. Оп. 1. Д. 408. Махачкала, 1988. Л. 54–55.

⁶ ПМА. Интервью с Ахмедовым А.-х. 4.05.2011.

⁷ ПМА. Интервью с Закарьяевым А. А. 12.09.1992.

⁸ ПМА. Интервью с Халиковым К. 6.05.2010.

было всего 199 средних школ, 27 спецшкол и техникумов и всего 4 вуза (все в столице Махачкале)¹. Успехи мусульманской школы за первые 10–15 лет исламской «культурной революции» более впечатляющие. С 1987 по 1996 гг. тут появилось 670 мектебов (советских начальных школ к 1927 г. было всего 398), 25 медресе и 13 исламских вузов с филиалами в сельской местности. К середине 2010-х гг. число их несколько снижается, но все еще значительно. Ко всему этому надо добавить курсы по изучению арабского и основ ислама, сопоставимые с советским «ликбезом», заработавшие в дагестанских городах и деревне. Исламским образованием сегодня охвачено до 14 тысяч человек, еще 33 тысячи вовлечены в систему неформального суфийского обучения. Исламские учебные заведения есть в 40 из 42 сельских районов, 9 из 10 городов Дагестана².

В современной мусульманской школе поражает частный характер финансирования. Если в советское время на развитие народного образования тратились огромные суммы, выделяемые Дагестану Москвой (только в 1929–1930 учебном году — 7581 400 руб. или 34,4% бюджета республики)³, то подъем мусульманской школы произошел за счет частных пожертвований (араб. *садака*) местных бизнесменов, «новых дагестанцев», например бывшего начальника махачкалинского порта Абусупьяна Хархарова (1967 г. р.) или бывшего бессменного мэра города Саида Амирова (1954 г. р.), а также аренды, малого бизнеса. Прежде исламское образование существовало за счет *вакфов*, частных имуществ, переданных на благотворительные и религиозные нужды мусульман⁴. В 1927 г. они были национализированы, переданы крестьянским кооперативам и вскоре поголовно разграблены. В 1990-е гг. отдельные вакфы *de facto* восстанавливаются. Однако получаемых с них средств не хватает для поддержки мусульманской школы.

Выпускники медресе и исламских вузов получают сегодня три основные «профессии»: чтецов Корана (араб. *кари'*), имамов мечетей и, наконец, ученых-улемов широкого профиля. При отсутствии церкви и духовенства в исламе положение мусульманской духовной элиты традиционно нестабильно и полностью зависит от выбора джама'ата, подготовки кандидата и его знания местной религиозной традиции. Улемов везде и всегда немного. Точной статистики нет. В начале советской эпохи к ним относили до 5% дагестанцев. Такую цифру дает первая советская перепись 1926 г. Уже в 1969 г. при численности населения

¹ Советский Дагестан за 40 лет. Махачкала, 1960. С. 119, 129, 131.

² Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000. С. 5, 71; Ханбабаев К. М. Религиозное образование в Дагестане // Проблемы поликонфессионального образования в Дагестане. Махачкала, 2002. С. 118–119.

³ Скачко Ан. Дагестан. М., 1931. С. 127–128.

⁴ Подробнее см.: Бобровников В. О. Вакф в Дагестане: из вчерашнего дня в завтрашний? // Ислам и право в России. М., 2004. Вып. 2. С. 150–165.

в 1 428 540 чел. (по переписи 1970 г.) в Дагестане насчитывалось 438 улемов (менее 0,1%). Сегодня их чуть более 2,5 тысячи (менее 0,1%)¹. В круг этих лиц входят имамы и муэдзины мечетей, судьи-кади, преподаватели мектебов и медресе, шейхи-наставники суфийских братств и другие образованные мусульмане.

Не многим лучше обстоит дело с подготовкой кадров мусульманской духовной элиты суннитов. Сегодня всему региону резко не хватает образованных имамов и служителей мечети, учителей и судей-кади. По верному замечанию крупнейшего современного дагестанского исламоведа А. Р. Шихсаидова, исламские вузы начала XXI в. — лишь тень от знаменитых дореволюционных медресе², благодаря которым Дагестан был прозван «морем наук» (араб. *бахр ал-'улум*). Не может выправить положения отправка дагестанской молодежи в исламские центры Сирии, Египта, Саудовской Аравии, Туниса, где ныне учится чуть более 1500 чел. Большинство дагестанских студентов за границей давно бросили учебу, перейдя в русскоязычный туристический бизнес. Уровень подготовки вернувшихся на родину тоже, как правило, невысок³.

Все это подводит к мысли, что исламское духовное возрождение пока не состоялось. Это признают как академические ученые, так и политики, и даже сами дагестанские улемы. Покойный министр по делам национальной политики, информации и внешних сношений Дагестана М. М. Гусаев (1951–2003) с горечью отмечал, что «возрожденческие процессы в исламе не дают заметного прогресса в нравственной, духовной жизни мусульман, в силу чего ислам не стал... стабилизирующим фактором в республике» (1998 г.). Еще более резкую критику современной мусульманской школы дал Ильяс-хаджи Ильясов (1947–2013), влиятельный ученый-алим и накшбандийский шейх, получивший хорошее исламское образование еще в позднее советское время в медресе Мир-и Араб в Бухаре и знаменитом каирском университете ал-Азхар. Он считает, что «духовных учебных заведений в Дагестане... в десятки раз больше, чем нужно республике... Среди ректоров исламских институтов и университетов нет ни одного, имеющего высшее (или хотя бы среднее светское профессиональное) образование»⁴.

¹ Скачко А. Н. Дагестан. С. 89; Ф. р-1234. Оп. 4. Д. 48. Решения, приказы, протоколы СДР при Совете Министров ДАССР. Сведения о служителях культа по Дагестанской АССР. 1969. Л. 63–78; Бобровников В. О. Дагестан // Ислам на территории бывшей Российской империи / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М., 2006. Т. I. С. 123–124.

² Шихсаидов А. Р. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4. С. 110.

³ См. мою специальную статью на эту тему: Bobrovnikov V. Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth-Century Caucasus // Middle Eastern Studies. 2001. Vol. 37. No. 4. P. 9–13. Встречаются, правда, отдельные редкие исключения из этого правила, например, можно упомянуть хорошего знатока арабоязычной литературы из дореволюционного и раннего советского Дагестана Алам ад-дина из Хасавюрта и его родственника Абу Умара из Саситли. Оба они получили образование в Сирии до начала там гражданской войны.

⁴ Цит. по: Шихсаидов А. Р. Ислам в Дагестане. С. 110.

Почему исламская культура Дагестана остается в глубоком упадке? Что мешает переходу количества в качество? Похоже, корни проблемы лежат в советской ломке дореволюционного мусульманского общества. С одной стороны, к 1941 г. все мечети и школы при них на советском Кавказе были закрыты. Костяк мусульманской духовной элиты погиб в сталинских тюрьмах и лагерях. В 40–80-е годы XX в. нужды советских мусульман в служителях культа худо-бедно удовлетворяло медресе Мир-и Араб в Бухаре, а с 1971 г. еще и Исламский институт в Ташкенте. Кроме этих двух школ, попасть куда большинству было невозможно, в регионе работали нелегальные частные коранические кружки, но уровень их был низок. Кроме того, надо учитывать изоляцию мусульман региона от исламских центров Арабского Ближнего Востока, с которым Дагестан поддерживал до советской власти оживленные связи. «Железный занавес» закрыл для подавляющего большинства дагестанцев, кроме отдельных чиновников муфтията, возможность продолжения исламского образования за рубежом. В течение более чем полувека дагестанские улемы были изолированы от новых веяний исламской науки и застыли на определенном уровне, что привело к стагнации в целом исламской науки в Дагестане.

С другой стороны, урбанизация и секуляризация второй половины XX в. снизили потребность общества в исламском образовании. Русский вытеснил арабский и тюркский как языки культуры, права и политики. Если крупнейшие дагестанские улемы прошлого века, такие как репрессированные советской властью Нажмуддин Гоцинский (ум. в 1925 г.), Абусуфьян Акаев (ум. в 1931 г.), Хасан Кахибский (ум. 1937), Али Каяев (1878–1943), едва знали русский, то сегодня исламская пресса, *фетвы* и суфийские трактаты выходят только на русском и на национальных языках. О падении значения арабского языка в Дагестане заявлял влиятельный накшбандийский и шазилийский шейх Саид-афанди (1937–2012)¹ из Чиркея².

Влияние советского прошлого на мусульман Дагестана, да и в целом Северного Кавказа, сильнее, чем кажется на первый взгляд. Оно особенно заметно по исламским вузам, которых до советской власти не существовало. Их названия, программы и методы преподавания списаны со светских вузов России. Здесь можно найти странную смесь из

¹ Книга Саида-афанди под арабским заглавием *Маджму'ат ал-фава'id* («Сокровищница благодатных истин»), составленная в традиционной для дагестанских улемов форме вопросов-ответов, была написана и опубликована сначала на аварском (*Чикаса Саг'ид-афанди*. Маджмуг'ат аль-фаваид. Махачкала, 2000), а вскоре переиздана на русском языке в Москве (*Саид-афанди аль-Чиркави*. Сокровищница благодатных знаний. М., 2001; *Саид-афанди аль-Чиркави*. Сокровищница благодатных знаний. М., 2003). Кроме того, Саид-афанди издал на аварском языке «Рассказы о пророках» (*Чикаса Саг'ид-афанди*. Къисасул анбия. Махачкала, 1999).

² См. его интервью с журналистом Максимом Шевченко: *Шевченко М.* Знание от пророка // Зов предков. 2001. № 2–3. С. 4.

традиционных дисциплин медресе (например, экзегетики-*тафсира*: 432 часа в год) с физкультурой (360 часов), информатикой, историей Отечества, основами международных отношений (72 часа) и даже астрофизикой (72 часа), которую изучают в Дагестанском исламском университете им. Шейха Мухаммада-Арифа в Махачкале¹. Результатом такого эклектического соединения неизбежно становится низкий уровень подготовки выпускников исламских вузов, многие из которых в поисках работы вынуждены получать второе светское образование².

В постсоветское время к упадку культуры добавились экономическая разруха, безработица и последствия двух войн в Чечне. На фоне нерешенных социальных проблем, как «потемкинские деревни», росли новые мечети. Чтобы поднять свой престиж, бизнесмены и политики вкладывали деньги в их строительство, вместе с тем продолжая наживаться на производстве запрещенных исламом спиртных напитков, торговле наркотиками и банковских махинациях. Сегодня внешний блеск для мусульманских спонсоров важнее, чем реальная помощь нуждающимся. Поэтому строительный бум не привел к ощутимым результатам. Многие медресе и мечети пустуют. Количество школ при мечетях сокращается. Число мектебов упало с 1996 по 2016 г. более чем в три раза — с 670 до 180. К июню 2016 г. осталось всего 16 медресе, 6 из 19 исламских вузов. Темпы строительства новых мечетей также упали. К 31 декабря 2006 г. их число составило 1910. За последние четыре года построено всего 16 новых джума-мечетей. На 1 июня 2016 г. в Дагестане учтено 1273 пятничных и 899 квартальных мечетей, 265 молитвенных домов³.

Джама'ат — наследник колхоза?

Распад СССР и постепенная десоветизация общества преобразили не только города Дагестана, но и сельские джама'аты. С одной стороны, джама'ат освободился от опеки и поборов из ДУМСК, прекратившего существование еще в 1989 г. Возникшее к 1992 г. Духовное управление мусульман Дагестана не контролирует большинства мусульманских общин республики. С другой стороны, колхоз лишился государственных дотаций, а вскоре и большей части имущества, приватизированного членами джама'ата в горах и на равнине. В 1991 г. вся колхозная

¹ Учебный план Северокавказского исламского университета, б. г.

² ПМА. Интервью с Наврузовым А. Р. 10.11.2005.

³ Текущий архив Управления по делам религий при правительстве Республики Дагестан. (1.06.2016). <http://old.komrelig.e-dag.ru/activity/statis/34549-spravka-o-religioznoj-situatsii-v-respublike-dagestan-na-01-06-2016-goda> (дата обращения 16.03.2017). Ср.: Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. С. 71.

баранта колхоза им. Чапаева за исключением 500 овец была разделена между семьями колхозников. Осенью 1993 г. 1189 га горных пастбищ и 73 га сенокосов были переведены на земельный баланс сельской администрации. Тогда же в долгосрочную аренду колхозникам были розданы 122 га пашни и 27 га садов возле реки Андийское Койсу, что составило все обрабатываемые земли колхоза в горах. Глава каждого домохозяйства получил по 28 соток¹. Джума-мечети вернули часть земель, приписанных к ней до 1927 г. как вакфы. Это более 100 садов и пашен вокруг Хуштады. Первое распределение вакфов между хуштадинцами прошло в марте 1993 г. и с тех пор регулярно проводится на конкурсной основе каждые три года². В Новой Хуштаде были розданы в аренду 160 голов крупного рогатого скота и 250 овец. Каждый член СПК получил в 2002 г. по 2 га земель на каждое из 138 хозяйств. Вакфов на равнине нет, закят собирается нерегулярно, но СПК выделило мечети Новой Хуштады 12 га, на которых ведет свое хозяйство дибир. Налоги за них платит СПК³.

Наиболее серьезным последствием распада советско-колхозной системы для Хуштады стало деление прежде единой общины на два обособленных джама'ата. В 1990-е гг. переселенцы окончательно осели в Новой Хуштаде, построив дома, вопреки закону, на бывших колхозных кутанах. Этот квартал в нижней части селения получил название «Нахаловка»⁴. Власти как бы забыли о них. Их никто не сгоняет, но вместе с тем государство не платит членам СПК пенсии и не оформляет дома в собственность по справке из Бюро технической инвентаризации (БТИ). В случае пожара и других инцидентов это имущество пропадает. До конца 1980-х гг. умерших отвозили хоронить в горы, но за последние лет пятнадцать-двадцать в Новой Хуштаде появилось свое кладбище. Вернуться в горы переселенцы не хотят и не могут. Там у них не осталось домов; они превратились в руины. При разделе колхозных земель в горах не учитывали жителей Новой Хуштады, получивших паи на равнине, и наоборот. Кроме того, переселенцев останавливает отсутствие работы в горах. Пока колхоз был крепок, начальство жило в горах. В горах же до 1994 г. неотлучно находился дибир. С начала 1990-х гг. председатели колхоза переселяются на равнину⁵. С 2002 г. СПК возглавлял Мухаммед Магомедов, по совместительству работающий директором средней школы Новой Хуштады⁶.

¹ ПМА. Интервью с Закарьяевым А. А. 10.11.1995; Мусаловым А. 16.05.1995.

² ПМА. Интервью с Газиевым М.-С.-х. 25.11.1995.

³ ПМА. Интервью с Магомедовым М. М. 5.05.2011; Ахмедовым А.-х. 4.05.2011.

⁴ ПМА. Интервью с Омаровым М. 5.05.2011; Ахмедовым М. 4.05.2011.

⁵ ПМА. Интервью с Магомедовым М. М. 5.05.2011.

⁶ Гимбатов С. М. Характеристика результатов деятельности Новохуштадинской СОШ. Ново-Хуштада, 2003. Л. 1.

Эти перемены шли на фоне стремительной реисламизации быта и общественной жизни. За последнее десятилетие в обоих селениях сложились новые центры. В Хуштаде в горах он сместился к кладбищу Кармала с зийаратом трех шейхов. С 2006 г. тут стоит большая трехэтажная мечеть с пока еще пустующим зданием медресе. Рядом сохранилась бывшая колхозная контора, переданная сельской администрации. После того как в январе 2007 г. древняя джума-мечеть начала XVII в. сгорела вместе с окрестными домами, прежний центр селения полностью забросили, хотя там и продолжала работать небольшая квартальная мечеть, восстановленная в 1992 г. В Новой Хуштаде центр образует большой пруд, с одной стороны которого стоят здания джума-мечети с коранической школой тестя дибира Сейд-Хусейна и сельской администрации, а с другой — средняя школа. Курма-«баня» была заброшена, а к концу 1990-х гг. разобрана до фундамента, поскольку необходимость в ней отпала. Второй этаж мечети выделен для пожилых женщин, которые до конца советского периода молились дома. Благочестивые мусульмане из Новой Хуштады перестали наезжать в горы. Благо, они теперь могут молиться и слушать проповедь в собственной джума-мечети. Все реже переселенцы посещают столь любимый хуштадинцами символ стойкости ислама в их джама'ате, воплощенный в зийарате трех шейхов.

Под влиянием переселений и реисламизации организация общины в райцентрах и крупных переселенческих поселках усложнилась. В 1990-е гг. в райцентре Цумадинского района Агвали открылось сразу несколько пятничных мечетей, чего не бывало прежде у дагестанских горцев. Это вызвало еще большую поляризацию дагестанского общества, расколовшегося на несколько противоборствующих фракций. Каждая из общин переселенцев претендует на то, чтобы роль джума выполняла ее квартальная мечеть¹. На этой почве нередко конфликты. В отличие от стабильной советской эпохи для постсоветского времени характерна частая смена руководства джама'ата. Одной из агвалинских мечетей более 10 лет руководил хуштадинец Сейид-Хусейн Пирмагомедов, племянник последнего из шейхов хуштадинского зийарата, Абдуллы-дибира. Его не раз смещали с поста дибира, но в 2010 г. он стал имамом новой джума-мечети. Обстановка в небольшой Новой Хуштаде стабильнее. С 1988 г. хуштадинцы в горах 7 раз меняли дибиров, в то время как в Новой Хуштаде один и тот же мулла возглавляет джама'ат уже более 20 лет.

1990-е и начало 2000-х гг. были периодом особой политической активности в Дагестане. Возникали десятки, если не сотни, политических движений, сначала национального, а позднее религиозного характера. Ни одно из них до настоящего времени не сохранилось. Хуштадинцы

¹ ПМА. Интервью с Гагиевым М. 8.11.1996; Магомедгаджиевым М. 2.06.1997.

партий не создавали, но их джама'ат не раз пытались вовлечь в политические блоки. Признанный религиозный лидер хуштадинцев Мухаммед-Сейид Абакаров не мог забыть испытанных от КГБ при советской власти гонений и отличался крайним недоверием к любой политической деятельности. Тем не менее, учитывая его вес в общине, политики действовали именно через него. Осенью 1990 г. Мухаммед-Сейид отказался от предложения Абдурашида Саидова помочь только что основанной им Исламско-демократической партии Дагестана. По словам Абдурашида, у него с имамом состоялся следующий диалог:

— Ты еще молодой, Абдурашид. Ты не знаешь коммунистов. Я это все пережил, я это все знаю не по рассказам. Я и сегодня боюсь коммунистов. Выступать против коммунистов и КГБ я не буду... Я тебе дам один совет: не плюй ты против ветра.

— Ветром ты называешь компартию?!

— И КГБ тоже...¹

Конечно, многое в этих ангажированных воспоминаниях, записанных спустя немало лет после описываемых событий, вызывает сомнение. Я встречался и с Абдурашидом, и с Мухаммед-Сейидом вскоре после этого разговора, осенью 1992 г. Последний характеризовал мне Абдурашида как «хулигана» и отмежевывался от всех его начинаний². Важнее здесь принцип политической мобилизации джама'ата. Саидов пытался склонить к союзу хасавюртовского имама, апеллируя к своей цумадинской идентичности. Мухаммед-Сейид терпеть не мог сторонников Саида-афанди, враждовавших с его муршидом Таджуддином из Апши, но в 1997 г. пошел на временный союз с ДУМД против ваххабитов. Влияние последних в Хуштада блокировалось группировкой Абакарова.

Раскол постсоветского мусульманского общества принято связывать с противостоянием суфиев и ваххабитов, появление которых на Северном Кавказе для некоторых ученых означает проникновение в регион зарубежных антироссийских влияний³. Признавая долю истины в этой гипотезе, не стоит давать столь упрощенное бинарное решение проблемы. Первоначально я тоже пытался определить принадлежность моих респондентов к сторонникам ДУМД или ваххабитов, но вскоре понял, что такой подход неверен. Конечно, возобновление с 1991 г. массового хаджа открыло путь как внешним влияниям, так и росту ксенофобии⁴. За исключением отдельных нетерпимо настроенных лидеров,

¹ Саидов, Абдурашид. Тайна вторжения. [Электронный ресурс] // URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/saidov.txt> 2001 (дата обращения 25.06.2017); ср. Сурхаев, Сурхай Невежество — Чуждый горцам Кавказа! (так в оригинале). [Электронный ресурс] // URL: http://zhurnal.lib.ru/s/surhaew_s_a/nevejstvo.shtml, 2009 (дата обращения 25.06.2017).

² ПМА. Интервью с Абакаровым М.-С.-х. 20.09.1992.

³ Игнатенко А. А. Ислам и политика. М., 2004. С. 45–48, 181–188.

⁴ Bobrovnikov V. 'Ordinary Wahhabism' vs. 'Ordinary Sufism'? Filming Islam for Post-Soviet Muslim Young People // Religion, State and Society. 2011. Vol. 39. No. 2–3. P. 288–289.

проповедующих «очищение ислама» от ваххабитов либо от суфиев, большая часть джама'ата ситуативно меняет религиозную ориентацию, примыкая то к одной, то к другой фракции. Недаром после разгрома российскими войсками ваххабитского анклава «Кадарской зоны» в 1999 г. к власти в нем пришла фракция сторонников накшбандийского и шазилийского шейха Саида-афанди из с. Чиркей¹. К тому же, ваххабиты и традиционалисты не едины, а постсоветский муфтият контролирует лишь небольшую часть сельских джама'атов, преимущественно в Гумбетовском районе. В Хуштаде и на ее кутанах на равнине сегодня нет сторонников ни ваххабитов, ни ДУМД. Последователи Саида-афанди, контролирующие муфтият, вызывают тут скорее осуждение².

В своей массе хуштадинцы не имеют четкого представления о том, каким должен быть «настоящий ислам». Вслед за ваххабитами молодежь и люди среднего возраста критикуют чрезмерные расходы при проведении свадеб и похорон, считая урок-*вурд*, который суфийский наставник дает муридам, обременительным и ненужным для верующего. Не все согласны совершать после пятничной *хутбы* повторный намаз, как того требует дагестанский обычай³. *Тазийат* (соболезнование) с раздачей милостыни-садака проводят уже не 15 дней, как в 1980-е гг., а не более недели. Мавлид перед заключением брачного договора (*махар*) дочери, первой брачной ночи старшего сына или похорон совершают не на открытом месте и не у зийарата, а в мечети⁴. Вместе с тем сам вид кладбища Новой Хуштады с большими раскрашенными стенами из белого левашинского камня говорит, что в селении не преобладают ваххабиты, отрицающие установку таких памятников как *ширк* (язычество). Эти вопросы обрядовой практики стали предметом дискуссий, которые велись в первой половине 1990-х гг. повсеместно. Их средоточием становились центральные площади селений (*годекан*), мечети, а также районная и республиканская печать. После уничтожения оппозиционной религиозной прессы спор об «истинном исламе» перешел на исламистские сайты Интернета⁵. Много шума наделал сборник религиозно-правовых заключений (*такрират*), выпущенный против суфиев идеологом ваххабитов Багауддином⁶.

Поражение ваххабитов, загнанных в 1999 г. в подполье, а в 2010-е гг. уступивших место молодежному подполью, так называемым «лесным братьям», и проникшим в регион сторонникам радикального движения Хизб

¹ Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004. С. 186–187.

² ПМА. Интервью с Магомедовым Али 5.05.2011.

³ ПМА. Интервью с Ахмедовым А.-х. 4.05.2011; Магомедов Али 5.05.2011.

⁴ ПМА. Интервью с Ахмедовой Л. 4.05.2011.

⁵ Bobrovnikov V. 'Ordinary Wahhabism' vs. 'Ordinary Sufism'? Filming Islam for Post-Soviet Muslim Young People. P. 293–297.

⁶ Ад-Дагестани Абдуллах Мухаммад Истинное лицо суфизма в свете убеждений людей Сунны и Джамаата. М., 2006.

ат-Тахрир (запрещена в РФ), не принесло победы на местах традиционалистам. Джама'ат Хуштады даже сменил на посту имама племянника Абакарова, бескомпромиссного борца с ваххабитами Мухаммед-Сейида Газиева, на умеренного молодого дибера Макка-Шарипа из с. Хварши. Сегодня оба джама'ата, и горный, и переселенческий (на равнине), зависят от финансовой помощи городской диаспоры хуштадинцев и цумадинцев¹. Взамен они обеспечивают дагестанским политикам быструю мобилизацию их земляков-цумадинцев. Из знаменитых, хотя и криминальных, земляков, к помощи которых прибегают оба джама'ата, бывший борец и рэкетир Сагид Муртазалиев, в 2010–2015 гг. занимавший хлебный пост главы Пенсионного фонда Дагестана, учредитель благотворительного фонда, носящего его имя². Сам он жил в Кизляре и Махачкале, но его отец — из Хуштады, мать — тиндинка. Периодически он давал садака землякам, которые подарили ему построенный на месте бывшего лагеря отдыха при военном заводе над Агвали коттедж. Помощь в размере 50 тыс. рублей при строительстве мечети в Новой Хуштаде оказал бывший мэр Хасавюрта, а ныне министр транспорта, энергетики и связи Дагестана Сагидпаша Умаханов, составлявший в прошлом серьезную оппозицию властям республики. Хотя родом он из с. Буртунай Казбековского района, начальную школу заканчивал в Новой Хуштаде.

Заключительные замечания

Выход ислама в сферу общественной жизни в 1990-е гг. вызвал резкую поляризацию дагестанского общества, расколовшегося на несколько противоборствующих фракций. Местная исламская традиция стала предметом ожесточенных дискуссий традиционалистов и ваххабитов. Однако за исключением отдельных лидеров, как правило настроенных весьма нетерпимо и проповедующих «очищение ислама» либо от ваххабитов, либо от традиционалистов, большая часть джама'ата ситуативно меняет религиозную ориентацию, примыкая то к одной, то к другой фракции. Поддержка дагестанских ваххабитов из-за рубежа сильно преувеличена. До начала 1990-х гг. дагестанское общество в целом не имело связей с арабским Ближним Востоком. Исламские политические партии и движения, расцвет которых пришелся на 1990-е гг., действовали в городах, но именно деревня, в первую очередь переселенческая, обеспечивала мобилизацию их сторонников, апеллируя к чувству районной земляческой солидарности цумадинцев. К началу второй русско-чеченской войны противостояние двух фракций от

¹ ПМА. Интервью с Магомедовым М. М. 5.05.2011.

² ПМА. Интервью с Магомедовым Асадуллой 3.05.2011.

джамаатов и районов переходит на региональный уровень, выливаясь в движение антироссийского джихада. Вместе с тем темпы исламского бума, пик которого пришелся на середину 1990-х гг., упали. За постсоветское двадцатилетие изменилась география колхозно-кооперативной и религиозной власти в горах и на равнине. Многие джама'аты горцев, чьи сельские общества были вовлечены в переселенческое движение, распадаются на независимые горные и равнинные общины.

Одна небольшая, но важная заключительная ремарка. Никоим образом не стоит эссенциализировать описанный выше случай. На примере одного колхоза-джама'ата, конечно, нельзя отразить всю мозаику постсоветского Дагестана. Это небольшая, но очень сложная республика. Исламский бум охватил в основном ее север. На юге ситуация совершенно иная. В горах республики преобладают одноаульные, а на равнине — многоквартильные джама'аты. Мелкие горные колхозы не похожи на укрупненные коллективные хозяйства равнины. Эти обстоятельства следует иметь в виду при оценке собранных выше материалов о постсоветской политизации ислама в постколхозной деревне горного Дагестана.

Список сокращений

ДУМСК — Духовное управление мусульман Северного Кавказа. Махачкала

ПМА — Полевые материалы автора. Институт востоковедения РАН. Москва

Источники

Неопубликованные источники

Архив Новохуштадинской средней школы. Новая Хуштада

Гимбатов С. М. Характеристика результатов деятельности Новохуштадинской СОШ. Ново-Хуштада, 2003.

Научный архив Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала

Гаджиев Г. А. Полевые дневники по плановой теме багулалы // Ф. 5. Этнография Дагестана. Оп. 1. Д 408. Махачкала, 1988.

Полевые материалы автора (ПМА)

Абакаров, Магомедсеид-хаджжи, имам Хасавюртовской мечети. Интервью автора 20.09.1992, г. Хасавюрт.

Ахмедов, Ахмед-хаджжи, имам Новохуштадинской мечети. Интервью автора 4.05.2011, с. Новая Хуштада.

Ахмедов, Магомед, военрук Новохуштадинской средней школы. Интервью автора 4.05.2011, с. Новая Хуштада.

Ахмедова, Лейла, жена М. Ахмедова. Интервью автора 4.05.2011, с. Новая Хуштада.

Гагиев, Магомедрасул, глава сельской, затем районной администрации. Интервью автора 8.11.1996, с. Агвали Цумадинского района РД.

Газиев, Магомедсеид-хаджи, имам Хуштадинской мечети. Интервью автора 25.11.1995, с. Хуштада.

Закарьяев Абдулла, краевед, учитель истории, на пенсии. Интервью В. О. Бобровникова и М. Ю. Рощина 12.09.1992, с. Хуштада.

Закарьяев Абдулла, краевед, учитель истории, на пенсии. Интервью автора 10.11.1995, с. Хуштада.

Магомедгаджиев, Магомед, учитель английского языка и имам Тлондодинской мечети. Интервью автора 2.06.1997, с. Тлондода Цумадинского района РД.

Магомедов, Али, строитель, сын А. А. Магомедова. Интервью автора 5.05.2011, с. Новая Хуштада.

Магомедов, Асадулла А., завуч Новохуштадинской средней школы. Интервью автора 3.05.2011, с. Новая Хуштада.

Магомедов, Магомед Мухтарович, директор Новохуштадинской средней школы и председатель СПК «Хуштада». Интервью автора 5.05.2011, с. Новая Хуштада.

Мусалов, Абдурашид, секретарь сельской администрации. Интервью автора 16.05.1995, с. Хуштада.

Наврузов Амир Рамазанович, заместитель директора Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН. Интервью автора 10.11.2005, г. Махачкала.

Омаров, Магомед, краевед, учитель технологии и географии Новохуштадинской средней школы. Интервью автора 5.05.2011, с. Новая Хуштада.

Халиков, Каримулла, заведующий кафедрой арабского языка факультета востоковедения Дагестанского государственного университета. Интервью автора 6.05.2010, г. Махачкала.

Текущий архив Дагестанского исламского университета им. Шейха Мухаммада-Арифа

Учебный план Северокавказского исламского университета. Махачкала, б. г.

Текущий архив СПК «Хуштада». Новая Хуштада

«О распределении и закреплении за колхозами зимних пастбищ в пределах Дагестанской АССР». Постановление Совета министров и Бюро Обкома КПСС ДАССР № 17. 29.04.1956.

Справка № 13-эк. Дана администрацией муниципального образования «Цумадинский район» в том, что колхоз им. Чапаева является

правопреемником колхоза им. Молотова, а СПК «Хуштада» правопреемником колхоза им. Чапаева 27.12.2005.

Экспликация земель хозяйств Цумадинского района на территории Бабаюртовского района РД 1.01.2009.

Экспликация земель хозяйств Цумадинского района на территории Тарумовского района РД 1.01.2009.

Экспликация земель хозяйств Цумадинского района на территории Хасавюртовского района РД 1.01.2009.

Литература

Бабич И. Л. Республика Адыгея и Краснодарский край: мечети и исламские общины // Ислам и право в России. М., 2004. Вып. 3. С. 5–35.

Бабич И. Л. Республика Кабардино-Балкария: мечети и исламские общины // Ислам и право в России. М., 2004. Вып. 3. С. 84–96.

Бобровников В. О. Вақф в Дагестане: из вчерашнего дня в завтрашний? // Ислам и право в России. М., 2004. Вып. 2. С. 150–165.

Бобровников В. О. Дагестан // Ислам на территории бывшей Российской империи / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М., 2006. Т. I. С. 120–125.

Ад-Дагестани, Абдуллах Мухаммад Истинное лицо суфизма в свете убеждений людей Сунны и Джамаата. М., 2006.

Емельянова Н. М. Мусульмане Кабарды. М.: «Граница», 1999. 140 с.

Игнатенко А. А. Ислам и политика: сборник статей. М.: Институт религии и политики, 2004. 256 с.

Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. М.: ОГИ, 2004. 224 с.

Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М.: Центр стратегических и политических исследований, 2000. 83 с.

Саид-афанди ал-Чиркави. Сокровищница благодатных знаний. М., 2001.

Саид-афанди ал-Чиркави. Сокровищница благодатных знаний. М., 2003.

Скачко Ан. Дагестан. М., 1931.

Советский Дагестан за 40 лет: статистический сборник. Махачкала, 1960. 158 с.

Ханбабаев К. М. Религиозное образование в Дагестане // Проблемы поликонфессионального образования в Дагестане. Махачкала, 2002. С. 110–132.

Ханбабаев К. М. «Шариатизация» постсоветского Дагестана: мифы и реальность // Ислам и право в России. Вып. 1. М., 2004. С. 157–182.

Шевченко М. Знание от пророка // Зов предков. 2001. № 2–3.

Шихсаидов А. Р. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4. С. 108–118.

Чикаса СагИд-афанди. Къисасул анбияъ. Махачкала, 1999 (Рассказы о пророках, на авар. яз.).

Чикаса СагИд-афанди. Маджмугат аль-фаваид. Махачкала, 2000 (Собрание полезных [советов], на авар. яз.).

Bobrovnikov V. Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth-Century Caucasus // Middle Eastern Studies. 2001. Vol. 37. No. 4. P. 1–24.

Bobrovnikov V. 'Ordinary Wahhabism' vs. 'Ordinary Sufism'? Filming Islam for Post-Soviet Muslim Young People // Religion, State and Society. 2011. Vol. 39. No. 2–3. P. 281–301.

Abbreviations

dUMSK — Spiritual Board of North Caucasus Muslims

PMA — Field Materials of Vladimir Bobrovnikov

References

Unpublished Sources

"Account of the Lands Used by the Tsumada District's Farms on the Territory of Baba-Yurt District". 01.01.2009. In the Current Archive of the Khushtada Agricultural Production Cooperative.

"Account of the Lands Used by the Tsumada District's Farms on the Territory of Khasav-Yurt District". 01.01.2009. In the Current Archive of the Khushtada Agricultural Production Cooperative.

"Account of the Lands Used by the Tsumada District's Farms on the Territory of the Tarumovka District". 01.01.2009. In the Current Archive of the Khushtada Agricultural Production Cooperative.

"Certificate — testifying that the SPK "Khushtada" is the legal successor of the Chapaev Kolkhoz, itself the legal successor of the Molotov Kolkhoz". 27.12.2005. In the Current Archive of the Khushtada Agricultural Production Cooperative.

Gadyhiev G. A. Fieldwork Notebooks on the Working Theme of the Bagulals (in Russian). Manuscript. In the Scientific Archive of the Institute of History, Archeology, Ethnography, Dagestani Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala. F. 5. Ethnographic works on Soviet Dagestan. Op. 1. D. 408. 1988.

Gimbatov S. M. "On the results of activities of the New Khushtada secondary school" (in Russian). Manuscript. In the Archive of the Secondary School of New Khushtada. New Khushtada, Dagestan. New Khushtada, 2003.

"List of curricula taught at the North Caucasus Islamic University", no date. In the current archive of the Sheikh Muhammad-'Arif Dagestani Islamic University in Makhachkala.

d. "Postanovlenie Soveta ministrov i Biuro Obkoma KPSS DASSR No. 17 'O raspredelenii i zakreplenii za kolkhozami zimnikh pastbishch v pre-delakh Dagestanskoi ASSR' [1956/04/29

"On the Division and Assignment of Winter Pasture Lands between Kolkhozes on the Territory of the Dagestan ASSR". Resolution Nr. 17 of the Dagestan Council of Ministers and of the Dagestan Republic Committee of the CPSU on 29.04.1959. In the Current Archive of the Khushtada Agricultural Production Cooperative.

Interviews

ABAKAROV Muhammad-Sayyid, 1992/09/20, mullah, interview with V. Bobrovnikov [infra: V. B.] on Islam and political movements in Dagestan, Khasav-Yurt, Dagestan

AKHMEDOV Ahmad Hajji, 2011/05/04, mullah, interview with V. B. on the history and religious practices in the congregation of Novaia Khushtada, in situ

AKHMEDOV Muhammad, 2011/05/04, military instructor at secondary school, interview with V. B. on the history of settlement in Novaia Khushtada, in situ

AKHMEDOVA Layla, Muhammad Akhmedov's wife, interview with V. B. on the family rites and their costs, Khushtada, Tsumada District, Dagestan

GAGIEV Muhammad-Rasul, 1996/11/08, head of the village administration, interview with V. B. on village factions, Agvali, Tsumada District, Dagestan

GAZIEV Muhammad-Sayyid, 1995/11/25, mullah, interview with V. B. on illegal Islamic practice and leaders under Soviet rule, Khushtada, Tsumada District, Dagestan

KHALIKOV Karim-Allah, 2010/05/06, the Dean of a Faculty of the Dagestan State University, interview with V. B. on religious and secular élites in the village of Khushtada, Makhachkala, Dagestan

MAGOMEDGADZHIEV Muhammad, 1997/06/02, village mullah and school teacher of English language, interview with V. B. on the resettlement and village organisation in Tsumada District, village of Tlondoda, Tsumada district, Dagestan

MAGOMEDOV Ali, 2011/05/05, builder, son of Asad-Allah Magomedov, interview with V. B. on the rites related to the three Naqshbandi masters' pilgrimage in Khushtada, Novaia Khushtada, Kizil-Yurt and Khasav-Yurt Districts, Dagestan

MAGOMEDOV Asad-Allah, 2011/05/03, head of the curriculum department in a secondary school, interview with V. B. on educational and religious networks in Novaia Khushtada, in situ

MAGOMEDOV Muhammad, 2011/05/05, director of the New Khushtada School and chairman of the 'Khushtada' cooperative, interview with V. B. on

the history of the kolkhoz, Novaia Khushtada, Kizil-Yurt and Khasav-Yurt Districts, Dagestan

MUSALOV 'Abd al-Rashid, 1996/05/16, secretary of the village administration, interview with V. B. on the land distribution and privatisation in the Chapaev Kolkhoz, Khushtada, Tsumada District, Dagestan

NAVRUZOV Amir Ramazanovich, 10/11/2005, interview with V. B. on Islamic higher education in post-Soviet Dagestan, Makhachkala

OMAROV Muhammad, 2011/05/05, geography teacher, interview with V. B. on area studies and religion in Soviet and post-Soviet Novaia Khushtada, in situ

ZAKARIYAEV Abd-Allah, 1992/09/12, interview with V. B. on Islamic culture of Khushtada, Khushtada, Tsumada District, Dagestan

ZAKARIYAEV Abd-Allah, 1995/11/10, interview with V. B. on privatisation in Chapaev Kolkhoz, Khushtada, Tsumada District, Dagestan

Secondary literature

Babich I. L. Mosques and Islamic Communities in the Republic of Adyghea and the Krasnodar Region (in Russian) // *Islam i pravo v Rossii*. Moscow, 2004. Issue 3. P. 5–35.

Babich I. L. Mosques and Islamic Communities in the Republic of Kabardino-Balkaria. *Islam i pravo v Rossii* (in Russian) // Moscow, 2004. Issue 3. P. 84–96.

Bobrovnikov V. Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth-Century Caucasus // *Middle Eastern Studies*. 2001. Vol. 37. No. 4. P. 1–24.

Bobrovnikov V. Waqf in Dagestan: from the Past to the Future Time? (in Russian) // *Islam i pravo v Rossii*. Moscow, 2004. Issue 2. P. 150–165.

Bobrovnikov V. "Dagestan" in S. M. Prozorov, comp. and ed., *Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2006. P. 120–125.

Bobrovnikov V. "‘Ordinary Wahhabism’ vs. ‘Ordinary Sufism’? Filming Islam for Post-Soviet Muslim Young People", in *Religion, State & Society*. 2011. Vol. 39. No. 2–3. P. 281–301.

Ch'ikasa Said-afandi. Novels of the prophets. Makhachkala, 1999 (in Avar).

Ch'ikasa Said-afandi. Collection of useful [advices]. Makhachkala, 2000 (in Avar).

Al-Dagestani Abdullah Muhammad. Istinnoe litso sufizma v svete ubezhdennii liudei Sunny i Jamaata [The True Image of Sufism in the Light of the Convictions of the People of the Sunna and of the Jama'a], Moscow: Badr, 2006.

Dagestanskaia ASSR. Administrativno-territorial'noe delenie [The Dagestan ASSR: The Territory's Administrative Division]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980.

Emel'ianova N. M. Muslims in Kabarda (in Russian). Moscow, 1999.

Ignatenko A. A. Islam i politika [Islam and Politics], Moscow: Institut religii i politiki, 2004.

Khanbabaev K. M. Religious education in Dagestan (in Russian) // Problemy polikonfessional'nogo obrazovaniia v Dagestane. Makhachkala, 2002. P. 110–132.

Khanbabaev K. M. “Shariatization” of post-Soviet Dagestan: Myths and Reality (in Russian) // Islam i pravo v Rossii. Issue 1. Moscow, 2004. P. 157–182.

Kisriev E. F. Islam i vlast' v Dagestane [Islam and Power in Dagestan], Moscow: OGI, 2004.

Makarov D. V. Official and Non-Official Islam in Dagestan (in Russian). Moscow, 2000.

Said-afandi al-Chirkawi. The Treasury of Godsend Knowledge (in Russian). Moscow, 2001.

Said-afandi al-Chirkawi. The Treasury of Godsend Knowledge (in Russian). Moscow, 2003.

Shevchenko M. Knowledge from the Prophet (in Russian) // Zov predkov. 2001. № 2–3.

Shikhsaidov A. R. Islam in Dagestan (in Russian) // Tsentral'naia Aziia i Kavkaz. 1999. № 4. P. 108–118.

Skachko An. Dagestan (in Russian). Moscow, 1931.

Soviet Dagestan for the 40 years (in Russian). Makhachkala, 1960.

MICRO-HISTORY OF RE-ISLAMIZATION IN EX-KOLKHOZ VILLAGE

Vladimir O. BOBROVNIKOV,

Ph. D. in History, senior research fellow,
Institute for Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
(Rozhdestvenka 12, Moscow,
107031, Russia)
E-mail: vladimir_bobrovn@mail.ru

Abstract. The paper traces a micro-history of the return of Islam to the public sphere examining it at the level of a distinct Muslim congregation (jama‘at) in Northern Dagestan. The most serious impact of the dissolution of the Soviet kolkhoz system was the division of a previously united community into two separate congregations in the mountains and the lowlands. The emergence of Islam in the public sphere in the 1990s brought about an abrupt polarisation of Dagestani society, which disintegrated into several antagonist factions of Salafis and traditionalists. However, the congregation’s majority has been changing its religious orientation according to the situation, siding sometimes with one faction, sometimes with the other.

Keywords: re-Islamization, micro-history, kolkhoz, jama‘at, Dagestan.

UDC 930.85

DOI 10.22311/2074-1529-2017-13-3-139-158

